

Е.П. Блаватская

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ ЧЕЛЫ "МЕДИУМАМИ"?

В соответствии с новейшим изданием "Имперского словаря" Джона О'Гильви, Л. Л. Д., *"Медиум -- это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа при помощи животного магнетизма; или человек, претендующий на то, что через него могут быть совершены какие-либо духовные проявления; особенно тот, кто, как говорят, способен общаться с духами умерших"*.

Поскольку оккультисты не верят в какую-либо связь с "духами умерших", в обычном смысле этого слова, по той простой причине, что по их мнению духи "умерших" не могут сходить вниз и общаться с нами, и никогда не делают этого; и поскольку приведенное выше выражение *"при помощи животного магнетизма"* вероятно изменилось бы, если бы редактор "Имперского словаря" был оккультистом, поэтому мы будем интересоваться лишь первой частью определения слова "медиум", которое гласит: *"Медиум -- это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа"*; и мы позволили бы себе добавить: *"осуществляемое посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа"*.

Очень трудно было бы найти на земле такого человека, кто в большей или меньшей степени не подвергался бы влиянию *"животного магнетизма"* или посторонней активной Воли (которая посылает этот "магнетизм"). Если любимый генерал едет на коне перед фронтом, все солдаты становятся *"медиумами"*. Они наполняются энтузиазмом, следуют за ним без страха и идут на штурм смертоносной батареи. Один общий импульс пронизывает их всех; каждый становится "медиумом" для другого; трус превращается в героя, и только тот, кто *вообще не является медиумом* и потому нечувствителен к эпидемическим или эндемическим моральным воздействиям, будет представлять исключение, подтвердит свою независимость и сбежит.

Когда проповедник поднимается на кафедру, то, если бы даже он говорил самую нелепую чепуху, все же его действия и дрожащий тон его голоса являются достаточно впечатляющими, чтобы вызвать вокруг себя, по крайней мере среди женской части прихожан, "перемену в сердце", и если он достаточно сильный человек, то он подействует даже на скептиков, которые "приходя в церковь глумиться, остаются молиться". Люди приходят в театр и проливают слезы или "надрываются от хохота" в зависимости от характера представления, будь это пантомима, трагедия или фарс. Нет ни одного человека, за исключением каких-нибудь врожденных болванов, чьи эмоции и, следовательно, действия не могут быть подвергнуты какому-либо влиянию, и, таким образом, *через него не может быть передано или проявлено действие другого человека*. Все мужчины, женщины и дети являются, таким образом, *медиумами*, а человек, который не является *медиумом* -- это монстр, выкидыш природы, поскольку он находится вне человечества.

Вышеприведенное определение вряд ли можно считать достаточно хорошо выражающим значение слова "медиум" в его обычном применении, пока мы не добавим к нему еще несколько слов: *"Медиум -- это человек, через которого, как утверждают, может проявляться и передаваться действие другого существа на аномальную величину посредством сознательно или бессознательно действующей активной воли этого другого существа"*. Это уменьшает количество "медиумов" в мире до той величины, в которой мы можем провести в пространстве линию, отделяющую нормальное от аномального;

определить же, кто является медиумом, а кто им не является, столь же трудно, как и понять, где кончается здоровый ум и где начинается умопомешательство. Каждый человек имеет свою маленькую "слабость", и каждый человек имеет свой небольшой "медиумизм"; то есть, некоторую уязвимую точку, при помощи которой он может быть застигнут врасплох. Никто не может, по существу считаться безумным; и никто не может быть назван "медиумом". Часто расходятся мнения относительно того, является ли человек безумным или нет; и так же они могут расходиться в отношении его медиумизма. В практической жизни человек может быть очень эксцентричным, но его не считают сумасшедшим до тех пор, пока его безумие не достигнет такой степени, что он перестанет понимать, что он делает, и поэтому будет неспособен заботиться о себе или своем деле.

Мы можем продолжить ту же линию рассуждений в отношении медиумов, говоря, что только те люди должны рассматриваться как медиумы, кто позволяет другим существам влиять на них *в такой степени, что они утрачивают самоконтроль* и не имеют более своей собственной силы-воли, чтобы контролировать свои действия. Такой отказ от самоконтроля может быть активным или пассивным, сознательным или бессознательным, произвольным или непроизвольным; он различается также в зависимости от природы тех существ, которые оказывают активное влияние на медиума.

Человек может сознательно и произвольно подчинить свою волю другому существу и стать его рабом. Это другое существо может быть человеком, и тогда медиум станет его покорным слугой и может использоваться им для хороших или плохих целей. Это другое "существо" может быть некоей *идеей*, такой как любовь, жадность, ненависть, зависть, скупость, или какая-либо другая страсть, и влияние, оказываемое ей на медиума, будет пропорционально силе этой идеи, а также будет зависеть от того, в какой мере сохранился самоконтроль у медиума. Это "другое существо" может быть элементарием, или элементалом, и бедный медиум становится эпилептиком, маньяком или преступником. Это "другое существо" может быть высшим принципом самого человека, либо одиночным, либо связанным с коллективным универсальным духовным принципом; в этом случае "медиум" будет великим гением -- писателем, поэтом, художником, музыкантом, изобретателем и т. д. Это "другое существо" может быть одним из тех возвышенных существ, которых называют махатмами, и тогда медиум, действующий сознательно и произвольно, может быть назван их "чела".

Опять-таки, человек может за всю свою жизнь никогда не слышать слова "медиум", и все же быть сильным медиумом, хотя и полностью неосознающим этого. Его действия могут быть вызваны в большей или меньшей степени на бессознательном уровне его видимым и невидимым окружением. Он может стать добычей элементариев или элементалов, даже не узнав значения этих слов, и превратиться в вора, убийцу, насильника, пьяницу или головореза, и достаточно часто случалось так, что преступления имели эпидемический характер; или же из-за каких-то невидимых влияний человек может совершать поступки совершенно несовместимые с его характером, каким он был ранее известен. Он может быть великим лжецом, и вдруг, однажды, благодаря какому-то невидимому влиянию, быть вынужденным говорить правду; он может в обычной жизни быть очень осторожным, и все же, в каких-то обстоятельствах и под влиянием момента совершить акт героизма; он может быть уличным хулиганом и мерзавцем, и внезапно совершить благородный поступок, и т. д.

Кроме того, медиум может знать источники, из которых исходит влияние, или, говоря точнее, *"природу существа, чье действие передается через него"*; или же он может не знать этого. Он может находиться под влиянием своего собственного седьмого принципа и воображать, что вступил в связь с личным Иисусом Христом, или каким-либо святым;

он может быть в контакте с "интеллектуальным" лучом Шекспира и писать шекспировские поэтические произведения, или же он может воображать, что через него пишет личный дух Шекспира; что бы он ни думал по этому поводу, это не делает его поэзию ни лучше, ни хуже. Он может находиться под воздействием какого-либо Адепта и писать большую научную работу, и быть в абсолютном неведении об источнике своего вдохновения; или же он может воображать, что "дух" Фарадея или лорда Бекона пишет через него, тогда как он, по-видимому, действовал как "чела", хотя и не сознавал этого.

Из всего этого следует, что упражнение в медиумизме состоит в более или менее полном отказе от самоконтроля; будет ли это упражнение хорошим или плохим, полностью зависит от того, как оно употребляется и для какой цели оно совершается. Это, опять-таки, зависит от тех знаний, которые имеет медиум относительно природы существа, которому он произвольно или непроизвольно на время предоставляет право руководить своими физическими и интеллектуальными силами. Человек, который неразборчиво доверяет эти способности воздействию любой незнакомой силы, без сомнения является "больным", и его следует рассматривать не менее безумным, чем того, кто доверил бы свои деньги и ценности первому встречному, попросившему его об этом. Мы иногда встречаем таких людей, хотя они относительно редки; их легко узнать обычно по идиотскому пристальному взгляду и фанатизму, с которым они цепляются за свое невежество. Таких людей следует пожалеть, вместо того чтобы стыдить, и, если возможно, их надо просветить относительно той опасности, которой они подвергаются. Но может ли "чела", который сознательно и произвольно предоставляет на время свои ментальные способности высшему существу, которое он знает, и в чистоте побуждений, благородстве намерений, разуме, мудрости и силе которого он абсолютно уверен,-- может ли он рассматриваться как "медиум" в вульгарном смысле этого слова? Решение этого вопроса лучше всего предоставить самому читателю, после должного рассмотрения всего вышеизложенного.

"Теософист", июнь 1884 г.
